

Индексация или инсинуация: ранжирование государств как инструмент политического манипулирования и (пост)культурного влияния

Лана Алексеевна Агрба

Абхазский Государственный Университет, Сухум, Республика Абхазия

lagrba@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4951-6214>

Аннотация. В статье критическому осмыслению подвергаются критерии, нормы и процедуры индексирования, которые стали популярны в последние годы и активно внедряются во все сферы жизни. В фокусе исследовательского внимания оценка критериев определения «состоятельности государств» на основе количественной обработки данных. Утверждается, что под индексированием часто скрывают инструменты влияния, которые приводят к углублению неравенства, нездоровой конкуренции и разобщенности между странами. Согласно авторской гипотезе, скрытой целью подобных классификаций является стигматизация и фаворитизм, желание оказать политическое влияние, намеренно занижая статус одних государств и возвышая другие. Ранжирование применяется с одной стороны, для того, чтобы подчеркнуть неравенство стран, определить круг «своих» и «чужих», а с другой — чтобы свести всё к одинаковым критериям, стандартам, без должного анализа и понимания контекста, исторических предпосылок, этно-национальных, культурных, религиозных особенностей. Материалами исследования послужили документы, представленные различными организациями, включая неправительственные, а также аналитические и исследовательские работы, посвящённые анализу феномена ранжирования. Цель исследования — проанализировать инструменты манипулирования, осуществляемые через оценку состоятельности государств. В спектр задач исследования входят: критическое осмысление механизмов ранжирования, раскрытие манипулятивного потенциала «игровых стратегий» с индексированием, а также анализ отдельных кейсов, указывающих на сомнительность процедуры оценки эффективности управления и состоятельности государств на основе анализа статистических данных, без учёта всего комплекса составляющих, важных для определения их действенности. В результате показано, что под видом индексирования применяются практики по манипулированию массовым сознанием и «мягкому» влиянию на режимы отдельных стран, а целые регионы становятся объектом оценочно-сравнительных суждений и выводов, основанных на субъективном мнении «экспертов».

Ключевые слова: индексирование, ранжирование, политическое манипулирование, состоятельность государств, статус, имидж, стереотипы, стигматизация, фаворитизм

Для цитирования: Агрба Л.А. Индексация или инсинуация: ранжирование государств как инструмент политического манипулирования и (пост)культурного влияния // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 97–110. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-3-31-97-110>

Research article

Indexing or Insinuation: Ranking States as a Manipulation Tool for Political and (Post)Cultural Influence

Lana A. Agrba

Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia
lagrba@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4951-6214>

Abstract. The article critically examines the criteria, norms and procedures of indexing that have become popular in recent years and are being increasingly implemented in all spheres of life. The research focuses on the assessment of criteria for determining the *capacity of states* based on quantitative data processing. It is argued that indexing often implies tools for influence which lead to deepening inequality, unhealthy competition and disagreements between countries. According to the author's hypothesis, the hidden purpose of such classifications is stigmatization and favoritism, the desire to exert political influence, deliberately underestimating the status of some states and elevating others. On the one hand ranking is used to emphasize the inequality of countries, to define *friends* and *foes*, or inner and outer circles, and on the other hand — to reduce everything to the same criteria, standards, without proper analysis and understanding of the context, historical background, national, cultural, religious characteristics. The materials for the study were documents submitted by various organizations, including non-governmental organizations, as well as analytical and research works devoted to the analysis of the ranking phenomenon. The purpose of the study is to analyze the tools for manipulation carried out through the assessment of the capacity of states. The research tasks include: critical understanding of ranking mechanisms, disclosure of the manipulative potential of *game strategies* with indexing, as well as the analysis of individual cases indicating the dubiousness of the procedure for evaluating the capacity of states based on the analysis of statistical data, without taking into account the entire complex of components that determine state effectiveness. The study shows that under the guise of indexing, manipulative practices and soft influence on the states political regimes are used, thus entire regions become the object of evaluative and subjective judgments of the so-called *experts*.

Keywords: indexing, ranking, political manipulation, capacity of states, status, image, stereotypes, stigmatization, favoritism

For citation: Agrba, L. A. (2024) 'Indexing or Insinuation: Ranking States as a Manipulation Tool for Political and (Post)Cultural Influence', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(3), pp. 97–110. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-3-31-97-110>

Введение

Современный механизм манипулирования, попадающий в область нашего исследовательского интереса, это конструирование нового понятийного поля при помощи такого инструмента влияния, как «индексирование государств» (state indexing). Наиболее популярны и широко представлены в медийном пространстве индексы развития человеческого потенциала, международной безопасности, политической демократии (демократического действия, политической демократии, демократизации и т.д.), экономической свободы, восприятия коррупции, оценки эффективности государственного управления, качества жизни и др. Все они, в той или иной мере, на основе специфической выборки призваны оценить качество управления и «состоятельность государств» (state capacity).

В своё время Ч. Тилли определял «состоятельность государств» как «степень, в которой инструменты правления дифференцированы, централизованы, автономны и формально скоординированы друг с другом» [Tilly, 1975]. В свою очередь С. Бартолини проводил операционализацию состоятельности через (1) создание организационных возможностей для мобилизации ресурсов; (2) внешнюю консолидацию территории; (3) поддержание внутреннего порядка и (4) регулирование вмешательства государства в экономическую и социальную сферы [Bartolini, 2005]. По мнению Е.Г. Пономаревой, «состоятельность определяет государственность, весь строй общественной жизни, политический порядок, будучи зависимой в свою очередь от исторического развития нации и национальной идеи» [Пономарева, Зарытов, 2018]. Не вступая в дискуссию о значении данного термина, попытаемся привлечь внимание к манипулятивной составляющей инструмента индексирования, используемого, согласно нашей гипотезе, в целях стигматизации и оказания политического влияния на страны и регионы.

Попытки создания различных индексов состоятельности государств стали популярны с начала 2000-х гг., когда широкую известность получил концепт «несостоятельности государства» (failed state). Позже появились и другие термины, призванные описать сложность ситуации в стране, её институциональную слабость, неспособность государственного управления, и т. д., обозначаемые как «хрупкость» (fragile state), «коллапс» (state collapse), «крушение» (state breakdown), «недостойное правление» (bad governance) и др. [Rothstein, 2012].

Сегодня вопросы эмпирических исследований и количественной обработки данных приобретают особую актуальность в политической науке, где ведётся учёт по различным областям и категориям функционирования государственной системы. Существует уже более сотни различных индексов, а в научном обиходе появилось такое понятие, как «charts power» (рейтинговая сила), под которым понимают использование отдельными государствами и международными организациями компонента «мягкой силы» с целью оказания влияния [Иванов, Иванова, 2015]. Анализируя эти процессы, В.Г. Иванов полагает, что «в мире произошла “рейтинговая революция”, инициированная западными странами (прежде всего США и Великобританией): популяризация, легитимизация и превращение в реальную форму власти целого ряда межстрановых индексов, оценивающих и сравнивающих разные страны по разнообразным критериям... Целью рейтинговой власти является институционализация глобальной “рейтинговой инфраструктуры”, легитимизация неолиберальной идеологии и глобалистского видения иерархии мировой системы, артикуляция конкретных национальных интересов и формирование особого типа «рейтингового мышления» среди элит, представителей экспертного сообщества и, в целом, лиц, принимающих управленческие и бизнес решения или оказывающих влияние на общественное мнение в разных

странах мира»¹. Однако не совсем понятно, с какой целью регулярно исследуются и придаются широкой огласке отдельные количественные показатели по странам. Попытаемся в этом разобраться.

Обсуждение

Заметим, что, если раньше предметом статистических подсчётов были в основном социально-экономические отрасли и осуществлялись они странами для внутреннего пользования, то сегодня, с внедрением цифровых технологий, сравнительному анализу подвергаются различные отрасли государственного управления (области прав человека и свобод, коррупции и бюрократии, качества жизни и развития гражданских институтов, инновационности и социальной защиты и т.д.). Предметом математических вычислений становится даже уровень счастья людей², причём данные рейтинговых компаний открыто публикуются и активно обсуждаются в публичном пространстве. Так, страны и целые регионы становятся объектом оценочно-сравнительных суждений и выводов, основанных на субъективном мнении «экспертов».

Вообще, рейтингование и прочие формы ранжирования обрели особую популярность в последние годы и активно внедряются во все сферы жизни. Измерительные технологии на основе «больших данных», подсчёт коэффициентов, индексирование и т.д. стали неотъемлемым атрибутом современной жизни. Специалисты говорят об «экспансии измерительных методов в тех сферах жизни общества, где результаты измерений не только не помогают понять суть важнейших явлений и процессов, но используются для искажения этой сути» [Алексеева, 2019: 58], предупреждают о мощном вторжении измерительных процедур «не только в эко-

номические и социологические исследования, но и в такие гуманитарные области, как психология, филология, история, искусствоведение, культурология и т. п.» [Рахманкулова, 2021: 102]. Нам предлагают измерить всё — в баллах, очках, процентах, понять, кто лучше, выше и сильней. Возможно поэтому так популярны сегодня всякого рода тестирования и формализованные оценки якобы на проверку отдельных аспектов, будь то определение собственного интеллекта или понимания бытовых потребностей, до вопросов глобального характера, как то определение успешности государств или самых счастливых наций на земле.

Рейтинги преподносятся как «ориентир» для принятия решений по тем или иным вопросам. Якобы при оперировании определённым комплексом критериев, выработанным на основе заданных параметров оценки, можно решать проблемы, подсчитывая и измеряя благополучие и состоятельность как отдельных граждан, так и стран, народов, регионов. Конечно, никто не отрицает важности обзора и анализа статистических данных. Этот унифицированный практический инструмент сравнения и оценки удобен и часто необходим при выстраивании эффективных стратегий достижения прогресса и повышения благосостояния социума. В этом смысле — при добросовестном подходе — индексирование важно для рационализации государственной деятельности, широты компаративистских и обобщающих возможностей, для глубокого анализа и понимания экономических и политических процессов в стране и мире: «К числу достоинств индексо-рейтингового направления количественных исследований относится, в первую очередь, его интегративный характер и способность в агрегированном виде представлять выраженную конкретным показателем общую оценку

¹ Иванов В.Г. «Рейтинговая сила» («Charts Power») как инструмент политического и экономического влияния: концептуальный анализ, стратегии использования и модели противодействия: автореферат дис. ... доктора политических наук: 23.00.01. Москва, 2016. С. 3–4.

² Так, с 2011 г. по программе ООН ежегодно готовится Всемирный доклад по «индексированию счастья» (World Happiness Report). Существует также Всемирный обзор ценностей (World Values Survey).

политической стабильности или другого рассматриваемого феномена» [Белоусова, 2015: 38].

С другой стороны, этот сам по себе полезный инструмент может легко использоваться как оружие влияния: «Борьба за места в разного рода рейтингах ведет к забвению целей, которым они должны отвечать..., что в конечном счёте приводит к неадекватной операционализации, где сущностное содержание подменяется числовыми манипуляциями, создающими иллюзию точности и объективности» [Алексеева, 2019: 58–59].

Поднимая тему индексирования государств отметим, что «интерес к количественным измерениям в представлении соответствующих исследователей связан с пониманием политики как сферы социальных отношений, прочно взаимосвязанной с экономическим развитием и его показателями» [Белоусова, 2015: 38]. Система проведения индексирования довольно проста — в течение определённого времени эксперты анализируют информацию, подсчитывают количество негативных и позитивных оценок по шкале определяемых ими критериев, и на основании совокупной информации по каждой стране рассчитывают итоговый индекс³. При этом «индекс государственности используется для определения способности государства поддерживать своё существование, обеспечивать самостоятельное развитие, решать стоящие перед ним внутренние и внешние задачи, т.е. использовать свои prerogative суверена» [Опыт классификации стран, 2007: 122].

Однако зачастую рейтинги формируются из совершенно разных, порой мало связанных между собой показателей, оценка осуществляется согласно не совсем релевантным критериям, которые бывают довольно туманны, спорны. Есть ведь разница между измерением и оценкой, а «имеющиеся базы данных неоднородны, в ряде случаев не предоставляют

валидного массива информации, который мог бы заменить результаты экспертного (качественного) оценивания» [Белоусова, 2015: 39]. Да и вообще, можно ли измерить цифрами такие абстрактные явления, как состоятельность государства или уровень счастья её граждан. Недаром многие специалисты (как в академических, так и политических кругах) выражают скепсис относительно «ограниченности вычислительных подходов, зачастую порождающих иллюзию точности в рассмотрении принципиально неизмеримых предметов» [Алексеева, 2019: 58]. Кроме того, не существует единых критериев оценки, и «каждая международная организация ведёт статистику по широкому набору переменных, которые весьма затруднительно агрегировать в единый индекс» [Структура и Логика..., 2007: 143]. И потом, можно ли считать некий унифицированный инструмент эталонным, и кто устанавливает канон?

Очевидно, что идёт явное злоупотребление наукометрическими показателями при оценке состоятельности всего и вся. Это приводит к деформации, искажению сути, поэтому настороженное отношение к различным рейтингам вполне объяснимо. Статистические подсчёты не всегда применимы к жизни, да и есть ли смысл в измерениях и ранжировании, если иные показатели в отдельных областях, пусть и высокие, не отвечают реальности. К примеру, лидерами индексов зачастую оказываются страны с высоким уровнем дохода (как например скандинавские страны или Швейцария, которая регулярно показывает самые лучшие показатели роста благосостояния и стабильности), однако именно в них отмечаются наиболее высокие показатели по числу самоубийств. Или, например, африканская Сьерра-Леоне, которая обладая большими залежами алмазов и золота, остаётся одной из беднейших в мире стран и регулярно удостоивается самых низких показателей в рейтингах состоятельности⁴.

³ При этом информация часто берётся из открытых источников, например, периодических изданий или онлайн-опросов, реже из официальных правительственных отчётов.

⁴ Согласно международным оценкам, в стране за чертой бедности проживают более 60% населения, а средний возраст жизни граждан составляет около 40 лет.

Тем не менее, сегодня существует множество методологий оценки, разрабатываемых как государственными (Университет Хельсинки, Вашингтонский университет, МГИМО), так и частными институтами (Фонд Бертельсмана, the Heritage Foundation, Global Integrity); причём нередко подобные исследования проводятся в рамках проектов, спонсируемых правительствами стран. Например, деятельность неправительственной организации Freedom House, занимающейся подсчётом индекса демократизации, политических прав и гражданских свобод⁵ со штаб-квартирой в Вашингтоне, на 80% финансируется посредством грантов правительству США. То же с организацией Transparency International, разрабатывающей индекс восприятия коррупции⁶. Не удивительно, что параметры того или иного индекса зачастую должны удовлетворять задачам «проекта», финансируемым правительством «страны-заказчика». В этой связи возникает вполне резонный вопрос о том, в чьих руках находится привилегия измерять степень состоятельности государств и насколько можно доверять объективности организаций, занимающихся разного рода ранжированием. Соответственно, сомнению будут подвергаться и выявляемые «экспертами» шаблонные нормы и критерии оценки, а также результаты исследования. Тем более, что организации, занимающиеся индексированием государств, не просто публикуют статистические данные, — они имплицитно дают оценки, наталкивают на выводы, порой ошибочные, которые рожают политические суждения далекие от реалий. Так опосредованно осуществляется контроль, а при необходимости формируется оценочный фон, способный влиять не только на внешний имидж, но и на обстановку внутри государств.

Таким образом, в руках специализированных агентств и институтов, а также стоящих за ними заинтересованных акторов, появляются рычаги, при помощи которых можно оказывать влияние на имидж стран и регионов, а от имиджа и статуса государства в мире во многом зависит дальнейшее развитие, экономические и политические связи, международное сотрудничество и т.д., ведь «статус является одной из ключевых характеристик любой социальной группы» [Anderson, Kilduff, 2009: 295]. В системе международных отношений он означает признание важности, значимости, влияния государства международной системой, другими государствами, поэтому его изменение — вопрос очень чувствительный.

Как известно, репутацией принято дорожить и на государственном уровне, поэтому вопросы статуса оказывают влияние на настроение как внутри, так и за пределами государств. Статус выступает в качестве концепта, близкого понятиям власти, силы и мощи, хоть и неравнозначен им [Smith, Magee, 2015; Power and Status..., 2017]. Макс Вебер, говоря о природе статусов указывал на то, что «с их помощью организуется неравенство общественных отношений» [Weber, 1978: 87]. «Применительно к государствам в системе международных отношений статус выступает измерением эмпирических различий, подчёркивая большие способности одних и недостаточные возможности других» [Горельский, Миронюк, 2019: 141]. «Государства ценят свою репутацию и возможность оказывать влияние на неё — это определённая форма силы» [Kelly, 2017: 5]. Заигрывание и манипуляции с этой темой ведут к разобщению, размежеванию, барьерам между странами, что является вопросом сколь чувствительным, столь и опасным.

⁵ Freedom House — неправительственная организация, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации» в мае 2024 г. — также занимается оценкой политических свобод, к примеру, высчитывает индекс свободы прессы (Freedom of the Press), нации в период транзита (Nations in Transit), проводит обзор прав женщин (Women's Rights Survey) и т.д.

⁶ Transparency International — неправительственная организация, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации» в марте 2023 г. Кроме того, организация реализует проект — Барометр мировой коррупции.

Следующий фактор, вызывающий сомнения, это отсутствие консенсуса в определении терминов, определяющих пороговые значения того или иного образования. Так, «концепт легитимности многократно становился предметом исследования учёных, особенно политологов, но до сих пор нет конвенционального верифицируемого его понимания» [Шевский, 2020: 69]. Кроме того, «нет критериев для разграничения состояний «несостоявшегося» и «коллапсировавшего» государства» [Millinken, Krause, 2002: 746], как не существует универсального определения в отношении них. Таким образом, в силу размытости терминов, критерии носят многомерный характер, однако ими активно жонглируют политические аналитики, которые зачастую вкладывают в них неоднозначный смысл, в силу чего эти критерии часто оказываются взаимозаменяемыми, поэтому неспециалисту непонятно, насколько использование того или иного определения релевантно и обосновано.

По мнению ряда учёных, «ранжирование, базирующееся на восприятии исследований без опоры на объективные показатели (экономические, демографические и пр.), может привести (и зачастую приводит) к «идеологизации» рейтинга» [Миронюк, Тимофеев, Ваславский, 2006: 41]. На манипулятивный характер индексирования указывает также Д.С. Шевский, который отмечает: «Проблема заключается в том, что их (индексов — А.Л.) основная цель — сравнение различных государств, а не пороговых значений или признаков» [Шевский, 2020: 72]. Другие ещё более категоричны в своих выводах и утверждают, что «суверенное государство не может допускать «рейтинговых» манипуляций извне» [Глигич-Золотарева, 2015: 249], и с этим трудно не согласиться. Так, например, поступает руководство Бутана с его министерством счастья⁷, закрывшее страну от экспертов ООН, поэтому в международных рейтингах его практически нет.

Ещё один сомнительный фактор — это усилия самих государств, предпринимающих меры по улучшению своих позиций в рейтингах (часто из желания формально соответствовать подразумеваемым в них идеальным моделям, но чаще из-за показателей, которые могут отразиться на их инвестиционной привлекательности). Здесь подключается практика так называемой «рейтинговой дипломатии» (ratings diplomacy), когда дипломатов специально делегируют в рейтинговые агентства для изучения ситуации и дальнейшего лоббирования интересов своих стран, что подробно описывается в работах А. Кули и Дж. Снайдер. Авторы указывают на то, что правительства отдельных стран просто обманывают систему индексации, внося небольшие правки в законодательство и таким образом пытаются укрыться за ширмой «состоятельности», при этом не проводя специальных реформ и не устраняя причин проблем.

И наконец, не ясно, что даёт анализ индикаторов, отражающих состояние той или иной политической системы. В качестве примера приводят кейс с Грузией, которая была названа Всемирным Банком в рейтинге Индекса легкости ведения бизнеса «наиболее улучшившей свои позиции» страной. И действительно, в 2006–2007 гг., благодаря проводимым в стране системным реформам, Грузия совершила гигантский скачок по многим индексам и показателям, что привлекло в страну поток иностранных инвестиций и интересных коммерческих проектов. Быстрый рост в рейтингах правда закончился полным фиаско после событий августа 2008 г. Но даже этот скачек, по мнению экспертов, не совсем соответствовал реальному положению дел в стране. С. Шуеф, назвал рекордные показатели «игровой стратегией» Грузии [Schueth, 2011]. Отмечается, что государственный аппарат «манипулировал соответствующими показателями, создавая межведомственные рабочие группы

⁷ В королевстве Бутан создано министерство счастья, которое подсчитывает и рассматривает валовое национальное счастье (ВНС) как ключевой элемент строительства экономики, согласующийся с буддистскими ценностями.

для быстрого принятия законов и обнародования административных правил... Но реформы в Грузии не смогли устранить некоторые серьёзные недостатки — например, неоптимальные процедуры налогового аудита в стране. Статус давал Грузии много поводов для хвастовства, но факты свидетельствуют о том, что изменение было скорее косметическим, чем структурным» [Cooley, Snyder, 2015: 106–107]. То есть впечатляющие и широко разрекламированные показатели индексов как минимум не в полной мере соответствовали реальным данным в сопоставимых индексах.

Данный пример наглядно демонстрирует, что высокие показатели в рейтингах зачастую являются отражением усилий государств по улучшению положения в стране, что, однако не является гарантией реальных изменений. Дж. Келли вводит в обиход понятие «дипломатия оценочных карточек» (scorecard diplomacy) для описания усилий государств, предпринимаемых, чтобы не попасть в «плохой рейтинг», который может опозорить страну. По мнению Келли, «системы показателей являются формой «мягкой силы», которые используемые в сочетании с «жесткой силой» или вместо неё, — такой, как экономические санкции или военная сила, соединяют в себе «кнут и пряник» [Kelly, 2017: 5]. «Дипломатия с применением системы показателей использует репутацию так же, как скульптор использует долото. Используя его для нацеливания своей силы, скульптор работает более эффективно, чем если бы он пользовался молотком», — считает Келли. При помощи «дипломатии оценочных карточек», которую она считает «спокойной формой дипломатии», эксперт показывает силу «стратегически используемой информации», указывая на то, как международные игроки влияют на внутреннюю политику, вызывая беспокойство стран за

свою международную репутацию, а это, по её мнению, довольно эффективный инструмент влияния.

Специалисты откровенно иронизируют над «желанием достижения высоких мест в глобальных индексах, над готовностью продвигаться в рейтингах — пусть на несколько пунктов, пусть на пункт — к «небольшим», находящимся в «постистории», что на деле закрывает (в лучшем случае — существенно ограничивает) возможности исторического творчества народа в целом, немыслимого без раскрытия творческого потенциала личностей и коллективов. Ценности исторического творчества и творчества вообще подменяются ценностью продвижения» [Алексеева, 2019: 62]. И не только, — манипулятивный потенциал «игровых стратегий» с индексированием может быть довольно серьёзен, на что, в частности, обращают внимание в своём исследовании П. Бомон и А. Таунс: «помогая странам «играть» с индикаторами перформативности, их «тренеры» получают экономические выгоды, рождая большой спрос на «тренерские услуги» [Beaumont, Towns, 2021: 12].

Показательно, что при индексировании, основная масса стран попадает в так называемую «серую зону»⁸. Группа же «лидеров государственности»⁹, коих в рейтингах традиционно значительное меньшинство, готовы это управление и покровительство осуществлять, — за соответствующие дивиденды, конечно. Интересен в этой связи опыт африканской Ботсваны, королевства, которое обычно оказывается в самом хвосте рейтингов по уровню коррупции и социальной поддержки населения, однако в энциклопедических справочниках страна описывается как самая богатая и стабильная на Африканском континенте, а в гляцевых журналах рекламируется как идеальное место для отдыха и даже переезда. Вероятно, связано подобное разночтение в оценках с тем, что государство долгое

⁸ Интересно, что в т.н. «серую зону» оказываются причислены довольно разнородные по другим индексам страны (включая автократии и во многом не самостоятельные государства), которые испытывая трудности попадают в зависимость и оказываются управляемы извне.

⁹ Это обычно государства относительно высокого качества жизни, низких угроз, и т.д.

время находилось под крылом Ее Величества¹⁰ и лишь в 1966 г., с согласия Великобритании, протекторат стал независимым. Однако и после этого Ботсвана, будучи номинально независимой, но абсолютно нищей и разрушенной, входила в зону влияния Британской империи, особенно после того как здесь обнаружили алмазные прииски¹¹.

Объективности ради следует заметить, что методы и принципы индексирования неоднократно подвергались обоснованной критике специалистов [Ranking the World, 2015; Beaumont, Towns, 2021]. Даже сами разработчики, критически осмысливая полученные результаты и указывая на недостатки ряда методов, старались их устранить или скорректировать. О субъективности оценок и искусственности критериев измерения, неизбежно заложенной в самой процедуре подобного дифференцирования, говорят многие: «Любые индексы и рейтинги (даже если исключить фактор субъективных искажений) означают существенное упрощение многомерной реальности, сведение её к некоему абстрактному измерению. Применительно к государствам индексирование и рейтингование — это, если угодно, “вивисекция” живого политического “тела”» [Опыт классификации стран, 2006: 16].

Считаем вполне обоснованным мнение о том, что индексирование, а на его основе сравнение государств, ведёт к несколько упрощённому пониманию политических процессов, ведь «критериям универсальности такой меры не удовлетворяет достаточным образом даже сумма внешних объективных показателей, включающая ВВП (по ППС) на душу населения, среднюю

продолжительность жизни, уровень образованности жителей и даже состояние экологии» [Рахманкулова, 2021: 97].

Измерительные технологии меняются и совершенствуются, появляются всё новые коэффициенты, требующие своего взыскательного «контролёра», и всё лишь для того, чтобы рассортировать всё и вся, выделить одних и низвести, маргинализировать других, согласно подогнанным под интересы определенных групп критериям отбора. Кому-то выгодна раскрутка тезиса о недееспособности отдельных государств, выделение более сильных и слабых, безопасных и враждебных, элитных и не очень, развитых и не совсем. Интересно, что многие страны испытывают по этому поводу вполне обоснованное раздражение, — так, например, в 2020 г. Южная Корея провозгласила себя «развитой страной» (developed country) [Sohn, 2019]. Ведь в том, что страну обозначают как «развивающуюся» (underdeveloped) очевиден элемент принижения, отчуждения и даже пренебрежения. Опасность в том и заключается, что отдельные стереотипные обозначения, внедряемые в массовое сознание, затем перекидываются на целое образа страны, народа. «Аксиологичность в стереотипе носит грубо оценочный характер. Механизм формирования стереотипа состоит в редукции, упрощении, схематизации прототипа, сведении его к генерализованному и категоричному шаблону»¹².

По сути, индексы служат внешней декорацией, которая указывает на степень управляемости, а не состоятельности и эффективности государств. Под видом индексирования, на наш взгляд, применяются практики по манипулированию массовым

¹⁰ В 1885 г. Британия установила протекторат над тсванскими племенами.

¹¹ Примечательно, что в год отсоединения от метрополии, Ботсвана считалась одной из беднейших стран мира, — во всей стране было 9 школ и только 22 человека имело высшее образование, 28 медпунктов обслуживало население в полмиллиона человек, половина из которых находилось за чертой бедности. Переломным моментом стал 1982 г., когда здесь заработал самый богатый в мире алмазодобывающий карьер. Сегодня страна занимает второе место в мире после России по добыче алмазов, а разработку месторождений ведёт компания Debswana, половина акций которой принадлежит правительству Ботсваны, а другая — De Beers, основателем которой является англичанин Сесил Родс.

¹² Земсков В.Б. Образ России на переломе времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация другой культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. № 1. URL: <http://nrgumis.ru/articles/81/>

сознанием и «мягкому» влиянию на режимы отдельных государств, что приводит к углублению неравенства, нездоровой конкуренции и разобщённости между странами. Этот манипулятивный инструмент позволяет международным элитам, используя стигматизацию и фаворитизм, дистанцироваться от режимов, которые они считают не успешными или не и, напротив, сближаться с теми, кто достоин их внимания. Таким образом, при помощи языка антиномий создаются искусственные иерархии, барьеры и полюса, а государства распределяются на основе оценочных категорий «лучше — хуже», «успешный — несостоявшийся», «желательный — нежелательный для сотрудничества» и т.д.

Таким образом, язык цифр и статистических данных активно используется для различных политических манипуляций. В символическом плане он запускает маховик агональности, конкуренции и прагматизма¹³. Компаративно-оценочный потенциал влияет на имидж стран¹⁴, а, как известно, репутационные потери и их восстановление серьёзно бьют по бюджету, да и никто не хочет оказаться в числе государств-аутсайдеров, попав под сортировочный аппарат индекс-машины. Ведь, тем, кто не отвечает определённым параметрам, отводится роль стран «третьего сорта», «хрупких» (fragile states) и «несостоявшихся» (failed states) в деле государственного строительства. Это значит, им не место в списке стран достойных, «привилегированных», и международные элиты будут от них дистанцироваться, лишать выгодных контрактов, инвестиций, политической лояльности и иных «льгот»¹⁵.

Заключение

Индексирование и ранжирование — это очень удобный инструмент влияния, указания места государства в международной системе, определяющий степень состоятельности и дающий возможность вхождения в мировую политику и экономику. Этот оценочный механизм носит характер идеологического ранжирования с иерархией статусов и системой привилегий, позволяющих неугодных вытеснять из круга «своих», «правильных», а иных — возвеличивать, возвышать. Индексирование и классификация государств, согласно их «силе» и «слабости» или принадлежности к группе «лидеров», их стигматизация и навешивание ярлыков — элементы манипуляции, изучаемой политической иматологией.¹⁶ Инструменты индексирования государства применяются с одной стороны, с целью подчеркнуть неравенство стран (определить круг «своих» и «чужих» и таким образом выстроить образ «Другого»), а с другой — оно продиктовано желанием поместить всех под одну гребёнку, единые стандарты, свести всё к одинаковым критериям. Эти широкомасштабные манипулятивные действия льют на мельницу глобализма и унификации, призванных лишить смысла всего, что находится вне постулируемых как универсальные, подогнанные под единые, наднациональные лекала ценности.

Индексирование, основанное на формальных признаках, одних может легко запутать или напугать, другим — внушить чувство неполноценности и посеять неуверенность, так как здесь используется

¹³ Как тут не вспомнить о «теории соревнующихся лидеров» Йозефа Шумпетера (1883–1950). Автор полагал, что ключевые решения должны приниматься опытной и компетентной элитой при ограниченном контроле со стороны граждан. [<http://www.schumpeter.ru/contents.php?book=kapital>].

¹⁴ Под «имиджем» здесь понимаем не художественно-эстетическую категорию и не рекламно-маркетинговую концепт, а репрезентативную политико-идеологическую основу государства.

¹⁵ Замечено, что западный политический дискурс часто артикулирует в негативных терминах, дабы выстроить образ «своего», «подобного» и «антипода». Это позволяет сконструировать портрет «своего», «другого» и «абсолютно чужого», т.е. «хорошего», «нейтрального», «плохого».

¹⁶ Отрасль науки, анализирующей образы стран и народов.

функциональный подход, без должного анализа и понимания контекста, исторических предпосылок, этно-национальных, культурных, религиозных особенностей. Оценивая ситуацию сверху, технически, операционально, легко давать определения, навешивать ярлыки, создавать стереотипы. Однако не является ли это явным проявлением живучести дискриминационных форм вербального насилия над «Другим».

На фоне общей неопределённости, неуместной и даже порой смешной кажется процедура индексирования государств и сопряжённая с этим высокая степень предубежденности со стороны отдельной части экспертного сообщества по отношению к странам, которые в силу тех или иных обстоятельств и геополитических причин не попали в категорию

привилегированных, «своих», тем более, что многие специалисты уже давно обнажили субъективность и политическую ангажированность попыток сортирования стран. Скрытой целью подобных классификаций является желание намеренно зализать статус отдельных государств и возвысить других. Однако стигматизация стран не лишает их права на существование, ведь что ни говори, а рейтинги и индексы — это только внешние показатели, довольно условные атрибуты, основанные на субъективных критериях оценки «экспертов». По сути, они хоть и тормозят внешнее, международное развитие (нет возможности полноценной экономической деятельности, реализации торговых, инвестиционных, инфраструктурных контрактов и т.д.), тем не менее, не влияют на состоятельность государств и это — главное.

Список литературы:

- Алексеева И. Ю. Индекс счастья и конец истории // *Философия и общество*. — 2019. — № 4 (93). — С. 56–64. <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.04.03>
- Белоусова И.А. Проблемы и перспективы рейтингового оценивания политической стабильности // *Вестник РУДН. Серия Политология*. — 2015. — № 3. — С. 35–46.
- Глигич-Золотарева М.В. Международные рейтинги как инструменты глобального влияния // *Россия: тенденции и перспективы развития*. — Москва: ИНИОН РАН, 2015. — С. 246–249.
- Горельский И.Е., Миронюк М.Г. Взбираясь по «статусной лестнице»: Опыт эмпирического исследования связи статуса государства в системе международных отношений и государственной состоятельности // *Политическая наука*. — 2019. — № 3. — С. 140–174. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.06>
- Иванов В.Г., Иванова М.Г. «Charts power» — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы // *Вестник РУДН: серия «Политология»*. — 2015. — № 2. — С. 36–51.
- Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // *Полис. Политические исследования*. — 2006. — № 5. — С. 39–57.
- Опыт классификации стран / А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина [и др.] // *Полис. Политические исследования*. — 2006. — № 5. — С. 15–38.
- Пономарева Е.Г. Зарытов П.И. Современная Украина: оценка государственной состоятельности (1991–2016) // *Дискурс-Пи*. — 2018. — № 3-4. — С. 57–71. <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.5771>
- Рахманкулова Н.Ф. Можно ли измерить счастье? // *Философия и общество*. — 2021. — № 2. — С. 91–106. <https://doi.org/10.30884/jfio/2021.02.06>
- Структура и Логика построения индексов в проекте "Политический атлас современности" / М. В. Ильин, М. Г. Миронюк, Е. Ю. Мелешкина [и др.] // *Политическая наука*. — 2007. — № 3. — С. 118–150.
- Шевский Д. Что такое крушение государства? // *Международные процессы*. — 2020. — Т. 18, № 3. — С. 67–85.

- Anderson C., Kilduff G.J. The Pursuit of Status in Social Groups // *Current Directions in Psychological Science*. — 2009. — Vol. 18, № 5. — P. 295–298. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01655.x>
- Bartolini S. *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 444 p. <https://doi.org/10.1093/0199286434.001.0001>
- Beaumont P., Towns A.E. The Rankings Game: A Relational Approach to Country Performance Indicators // *International Studies Review*. — 2021. — Vol. 23, № 4. — P. 1467–1494. <https://doi.org/10.1093/isr/viab017>
- Power and Status: The Building Blocks of Effective Leadership / Ch. Kelley, J. Dobbs, J. Lucas, M. Lovaglia // *Journal of Character and Leadership Development*. — 2017. — Vol. 4, № 1 SE-Articles. <https://jclousafa.org/index.php/jcld/article/view/179>
- Cooley A., Snyder J. Rank Has Its Privileges // *Foreign Affairs*. — 2015. — № 94. — P. 101.
- Kelley J.G. *Scorecard Diplomacy: Grading States to Influence their Reputation and Behavior*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — XXII, 355 p.
- Milliken J., Krause K. State Failure, State Collapse, and State Reconstruction: Concepts, Lessons and Strategies // *Development and Change*. — 2002. — Vol. 33, No. 5. — P. 753–774. <https://doi.org/10.1111/1467-7660.t01-1-00247>
- Ranking the World / ed. Cooley A., Snyder J. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015. — XIV, 241 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316161555>
- Rothstein B. Good Governance // *The Oxford Handbook of Governance* / ed. Levi-Faur D. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — P. 143–154. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199560530.013.0010>
- Schueth S. Assembling International Competitiveness: The Republic of Georgia, USAID, and the Doing Business Project // *Economic Geography*. — 2011. — Vol. 87, № 1. — P. 51–77. <https://doi.org/10.1111/j.1944-8287.2010.01103.x>
- Smith P.K., Magee J.C. The interpersonal nature of power and status // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. — 2015. — Vol. 3. — P. 152–156. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2015.04.007>
- Sohn Y. South Korea under the United States–China rivalry: dynamics of the economic-security nexus in trade policymaking // *The Pacific Review*. — 2019. — Vol. 32, № 6. — P. 1019–1040. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1617770>
- Tilly C. *The Formation of National States in Western Europe*. — Princeton: Princeton University Press, 1975. — 711 p.
- Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. — Berkeley: University of California Press, 1978. — 1469 p.

References:

- Alekseeva, I. Y. (2019) 'Indeks schast'ya i konets istorii [The Happiness Index and the End of History]', *Philosophy and society*, (4), pp. 56–64. (In Russian). <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.04.03>
- Anderson, C. and Kilduff, G. J. (2009) 'The Pursuit of Status in Social Groups', *Current Directions in Psychological Science*, 18(5), pp. 295–298. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01655.x>
- Bartolini, S. (2005) *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*. Oxford: Oxford University Press (Oxford scholarship online). <https://doi.org/10.1093/0199286434.001.0001>
- Beaumont, P. and Towns, A. E. (2021) 'The Rankings Game: A Relational Approach to Country Performance Indicators', *International Studies Review*, 23(4), pp. 1467–1494. <https://doi.org/10.1093/isr/viab017>
- Belousova, I. A. (2015) 'The Problems and Prospects of Rating Assessment of Political Stability', *Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Political Sciences*, (3), pp. 35–46. (In Russian).
- Kelley, C. et al. (2017) 'Power and Status: The Building Blocks of Effective Leadership', *Journal of Character and Leadership Development*, 4(1 SE-Articles). <https://jclousafa.org/index.php/jcld/article/view/179>

- Cooley, A. and Snyder, J. (2015) 'Rank Has Its Privileges', *Foreign Affairs*, (94), p. 101.
- Cooley, A. and Snyder, J. (eds) (2015) *Ranking the World*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316161555>
- Gligich-Zolotareva, M. V. (2015) 'Mezhdunarodnyye reytingi kak instrumenty global'nogo vliyaniya [International ratings as instruments of global influence]', in *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects]. Moscow: INION RAN Publ., pp. 246–249. (In Russian).
- Gorelskiy, I. E. and Mironyuk, M. . (2019) 'Climbing the status ladder: an experiment in empirical research of relation between status of a state in the system of international relations and state capacity', *Political science*, (3), pp. 140–174. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.06>
- Ilyin, M. V. et al. (2007) 'Struktura i Logika postroyeniya indeksov v projekte "Politicheskiy atlas sovremennosti" [The Structure and Logic of Index Construction in the Project "Political Atlas of Modernity"]', *Political science*, (3), pp. 118–150. (In Russian).
- Ivanov, V. G. and Ivanova, M. G. (2015) "'Charts Power" — International Ratings as an Economic Weapon and a Tool of Soft Power. Part 1', *Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Political Sciences*, (2), pp. 36–51. (In Russian).
- Kelley, J. G. (2017) *Scorecard Diplomacy: Grading States to Influence their Reputation and Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108186100>
- Melvil, A. Y. et al. (2006) 'Essay of Countries Classification', *Polis. Political Studies*, (5), pp. 39–57. (In Russian).
- Milliken, J. and Krause, K. (2002) 'State Failure, State Collapse, and State Reconstruction: Concepts, Lessons and Strategies', *Development and Change*, 33(5), pp. 753–774. <https://doi.org/10.1111/1467-7660.t01-1-00247>
- Mironyuk, M. G., Timofeyev, V. V. and Vaslavskiy, Y. I. (2006) 'Universal comparisons, with quantitative methods of analysis applied (a review of precedents)', *Polis. Political Studies*, (5), pp. 39–57. (In Russian).
- Ponomareva, E. and Zarytov, P. (2018) 'The Modern Ukraine: The Evaluation of State Capability (1991–2016)', *Discourse-P*, 32–33(3–4), pp. 57–71 (In Russian). <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.5771>
- Rakhmankulova, N. F. (2021) 'Mozhno li izmerit' schast'ye? [Can happiness be measured?]', *Philosophy and society*, (2), pp. 91–106. (In Russian). <https://doi.org/10.30884/jfio/2021.02.06>
- Rothstein, B. (2012) 'Good Governance', in Levi-Faur, D. (ed.) *The Oxford Handbook of Governance*. Oxford: Oxford University Press, pp. 143–154. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199560530.013.0010>
- Schueth, S. (2011) 'Assembling International Competitiveness: The Republic of Georgia, USAID, and the Doing Business Project', *Economic Geography*, 87(1), pp. 51–77. <https://doi.org/10.1111/j.1944-8287.2010.01103.x>
- Shevsky, D. (2020) 'What Is State Failure?', *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, 18(3), pp. 67–85. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.3.62.7>
- Smith, P. K. and Magee, J. C. (2015) 'The interpersonal nature of power and status', *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 3, pp. 152–156. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2015.04.007>
- Sohn, Y. (2019) 'South Korea under the United States–China rivalry: dynamics of the economic-security nexus in trade policymaking', *The Pacific Review*, 32(6), pp. 1019–1040. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1617770>
- Tilly, C. (1975) *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- Weber, M. (1978) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press.

Информация об авторе

Лана Алексеевна Агрба — кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков Абхазского Государственного Университета. 384900, г. Сухум, ул. Университетская, 1. (Республика Абхазия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Lana A. Agrba — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Roman and German Languages, Abkhazian State University, 1, Universitetskaya St., Sukhum, Abkhazia, 384900 (Abkhazia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 29.08.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 29.08.2024.